

*Девочкам Гринбрайер:
Джоанн, напарнице по тренировкам,
Кэт, моей милой, чудесной маме,
Лауре, главной распорядительнице,
Марии, подруге по шопингу,
Саре, духовному магниту*

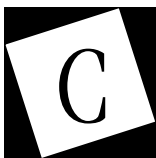
Часть первая
ЖЕСТОКОСТЬ
ЛЖИ

Жестокость и страхжимают друг другу руки.

Оноре де Бальзак

Жестокое обращение с детьми отбрасывает тень
на всю их жизнь.

Герберт Уорд

Глава 1

наружи дом на Лейквью-Террас выглядел идеально. Три величественных этажа из белого кирпича с широкими стеклянными окнами глядели на озеро и горный хребет. Тянулись вверх две декоративные башенки, отделанные медью. Они придавали дому европейского шарма с налетом роскоши.

Зеленела лужайка на пологом склоне; на широкой белой веранде с тремя ступеньками весной рдели рубиново-красные азалии. На заднем дворе стояла просторная крытая беседка с летней кухней, откуда открывался чудесный вид на озеро. Тщательно ухоженный розарий источал сладкие ароматы. В сезон у личного причала качалась тринадцатиметровая парусная яхта. Высокий забор с острыми зубцами обвивали выющиеся розы.

В гараже стояли два «Мерседеса»: внедорожник и седан, а еще горные велосипеды, лыжное снаряжение — и никакогохлама.

В самом доме — высокие потолки и два камина, обрамленные тем же золотисто-коричневым кирпичом, что и фасад. Каждая деталь интерьера была подо-

брана с большим вкусом (хотя некоторые, возможно, решили бы, что с чрезмерным старанием).

Неброские цвета, гармонирующие материалы: все модно, но не слишком вычурно.

Доктор Грэм Бигелоу купил участок под застройку, когда его сыну было пять лет, а дочери — три. Он выбрал самую подходящую планировку, внес необходимые изменения, подобрал отделку, плитку, брусчатку, нанял дизайнера.

Его супруга Элайза во всем полагалась на вкус мужа. На ее взгляд, тот был безупречен.

Порой она высказывала некоторые предложения. Их внимательно выслушивали и говорили о недочетах. Впрочем, иногда — не слишком часто — мнение Элайзы брали в расчет.

Как и Грэму, ей хотелось сполна насладиться всеми прелестями статуса, который мог предложить им новый элитный поселок на берегу озера в Северной Каролине. Элайза родилась в богатой, но консервативной семье, казавшейся ей скучной и пропахшей нафталином, — совсем как старый дом на противоположном берегу озера, где она выросла.

Поэтому она с радостью продала свою половину дома сестре и на вырученные деньги обставила новый особняк на Лейквью-Террас. Точнее, не задумываясь, передала чек Грэму, а уже тот обо всем позаботился.

Элайза ни разу не пожалела о принятом решении.

Они с Грэмом счастливо прожили там десять лет, воспитывая двух умных очаровательных детишек: устраивали званые обеды, коктейльные вечеринки, пикники в саду. Обязанности Элайзы как супруги заведующего хирургическим отделением в больнице Милосердия, располагавшейся в соседнем Эшвилле, заключались в том, чтобы выглядеть красиво и стиль-

но, растить детей, вести хозяйство, развлекать гостей и возглавлять различные комитеты.

Трижды в неделю к ним приходили горничная и повар, раз в неделю — садовник; неподалеку жила сестра, которая с радостью соглашалась присмотреть за детьми, если Элайзе с Грэмом хотелось провести вечер наедине и отдохнуть от суеты. Поэтому Элайзе хватало времени следить за своей внешностью и гардеробом.

Будучи главой родительского комитета, она не пропускала школьные концерты. Иногда ее сопровождал Грэм, если не был занят на работе. С тех пор как Бритт исполнилось четыре, Элайза ходила на каждое балетное представление, занимая центральное место в первом ряду.

Еще она старалась не пропускать бейсбольные матчи сына, Зейна. Если вдруг не удавалось, она успокаивала себя тем, что школьный бейсбол — крайне унылое зрелище и соседи ее поймут.

Элайза никогда бы не призналась, что больше любит дочь. Бритт росла очень красивой, доброй и послушной девочкой. Ее не приходилось заставлять делать уроки, убираться в комнате, она не грубила родителям. Что до Зейна, тот уродился в тетку. Вечно огрызался, дулся и уходил в себя.

Впрочем, учился он хорошо, поэтому мальчику позволяли играть в бейсбол. Он, конечно, лелеял мечты стать профессиональным спортсменом, но это не более чем подростковые фантазии. Естественно, Зейн по примеру отца пойдет в медицинский.

Пока бейсбол был для него пряником, чтобы лишний раз не доставать кнут.

Если Грэм порой наказывал мальчика, то только ради его же блага. Надо воспитывать в детях характер, учить уважению и показывать границы дозволенного.

Как любил говаривать Грэм, в каждом ребенке заложены черты взрослого человека, значит, он должен вести себя подобающе.

За два дня до Рождества Элайза ехала домой по расчищенным улицам Лейквью. Она прекрасно провела время с подругами, хотя, возможно, выпила лишний бокал шампанского. Ничего страшного: хмель выветрился, пока она ходила по магазинам.

На Рождество они, по обыкновению, поедут кататься на лыжах. Точнее, кататься будет только Грэм с детьми, а Элайза отдохнет в спа-салоне. Сегодня она купила чудесные ботинки, их надо будет обязательно упаковать вместе с теплым бельем для Грэма, чтобы тот не мерз на горном склоне.

Она обвела взглядом соседние дома, украшенные к празднику. Красиво. Хорошо, что по распоряжению ассоциации домовладельцев на Лейквью-Террас запрещены безвкусные надувные Санта-Клаусы.

Впрочем, стоит отметить — их дом выглядит самым роскошным. В этот раз Грэм позволил жене выбрать рождественские украшения, и Элайза подошла к делу со всей душой.

С наступлением сумерек дом зажегся белыми огнями. Гирлянды подчеркивали строгие линии стен и обвивались вокруг елей в горшках на веранде. На двухстворчатых дверях блестели двойные венки с красными и серебряными лентами.

В гостиной, разумеется, стояла ель — четырехметровая, увешанная теми же гирляндами и серебрянсто-алыми звездами. Другое дерево, в аналогичной цветовой гамме, только с ангелами, поставили в прихожей. И, конечно же, украсили цветными лентами каминные полки и большой обеденный стол: стильно и со вкусом.

Украшения каждый год были новыми. Незачем упаковывать их в коробки и хранить целый год, когда можно просто взять напрокат, а потом сдать обратно.

Элайза никогда не понимала восторга, с которым родители и Эмили выкапывают из ящиков древние стеклянные шары или безвкусные деревянные фигурки. Это барахло пусть хранится в старом доме. Она, конечно, пригласит родителей на ужин, но потом они, слава богу, уедут обратно в Саванну.

Они всегда больше любили Эмили. Это же очевидно.

Элайза, размышляя о грустном, открыла гаражную дверь и вздрогнула, увидев, что машина Грэма уже внутри. Она торопливо глянула на часы и выдохнула. Не опоздала, просто он приехал раньше обычного.

Приободрившись, Элайза припарковалась рядом с машиной мужа и достала сумки с покупками.

Она прошла в прихожую, повесила пальто, сложила шарф, сняла ботинки и надела черные балетки «Прада», которые носила дома.

Грэм нашелся в кухне. Он, не сменив костюма и не сняв галстука, стоял возле стола.

— Ты рано!

Положив сумки на барную стойку, Элайза подошла к мужу и легонько поцеловала в щеку.

От него пахло диоровским «Саважем» — ее любимыми духами.

— Ты где была?

— О, пообедала с Мирандой и Джоди. Помнишь, мы договаривались? — Она небрежно махнула рукой в сторону календаря, висевшего в углу. — Потом прогулялась по магазинам...

Болтая, Элайза подошла к холодильнику и достала бутылку перье.

— Представляешь, столько людей до сих пор не купили подарки к Рождеству. Джоди, например. — Она бросила в стакан пару кубиков льда и залила минералкой. — Знаешь, Грэм, мне кажется, она никогда...

— Думаешь, мне есть дело до Джоди?

От его голоса — четкого, размеренного — по спине побежали мурашки.

— Конечно, нет, дорогой. Просто болтаю. — Элайза старательно держала улыбку, но в глазах уже билась тревога. — Давай ты сядешь, расслабишься? Я налью тебе выпить, и...

Грэм швырнул стакан к ее ногам. Хрусталь разбился, черканув осколком по лодыжке, которую защемила, когда в рану угодила брызнувший во все стороны скотч.

«Баккара», — с легкой волной жара подумалось ей.

— Выпить нальешь?! — Растеряв спокойствие и невозмутимость, Грэм буквально цедил сквозь зубы. — Я весь день ковыряюсь в чужом теле, спасаю жизни и должен приходить в пустой дом?

— Прости. Я...

— Прости? — Он схватил ее за руку, вывернул и прижал жену спиной к столешнице. — Просишь прощения за то, что не способна усидеть дома? За то, что шляешься весь день и тратишь впустую мои деньги, обедаешь, гуляешь по магазинам и сплетничаешь с идиотскими сучками, пока я по шесть часов подряд торчу в операционной?

Элайза задышала; сердце испуганно забилося.

— Я не знала, что ты вернешься так рано. Если бы ты позвонил, я сразу бы поехала домой...

— Я теперь должен перед тобой отчитываться?

Грэм говорил что-то еще, но она не слышала. Он выговаривал про уважение, про долг, про обязанности. В такие минуты он как никогда был похож

на ангела-мстителя. Темно-русые волосы, идеально уложенные в прическу, и холеное красивое лицо, искаженное в гневной гримасе. Ярко-синие глаза пылали яростью.

Элайзу била дрожь, будто электрическим током.

— Это же есть в календаре! — вырвалось у нее. — Я говорила тебе утром!

— Думаешь, у меня есть время разглядывать твой дурацкий календарь? Ты должна быть дома, когда я переступаю порог. Ясно? — Он снова ударил жену о столешницу, отчего ее спину прострелило болью. — Я дал все, что у тебя есть. Дом, одежду, пропитание... Плачу за то, чтобы тут готовили и убирали, а взамен ты должна быть рядом, когда я скажу. Сидеть дома, когда я возвращаюсь. И послушно раздвигать ноги, если я решу тебя трахнуть!

В назидание он вдавился в нее твердым пахом.

Элайза хлестнула мужа по щеке, даже зная, что следует дальше. А может, именно поэтому.

Ледяная ярость сменилась жарким гневом. Грэм растянул губы в улыбке.

И ударил ее в живот. Он никогда не бил ее по лицу.

* * *

Зейн Бигелу в свои четырнадцать лет отдал сердце и душу бейсболу. Девушки ему тоже нравились — он любил разглядывать их обнаженные фотографии с тех пор, как его приятель Мика показал, как обойти родительский контроль на компьютере. Однако бейсбол по-прежнему стоял на первом месте.

Первом и единственном.

Очень высокий для своих лет и поэтому ужасно нескладный, Зейн мечтал, что после школы попадет-